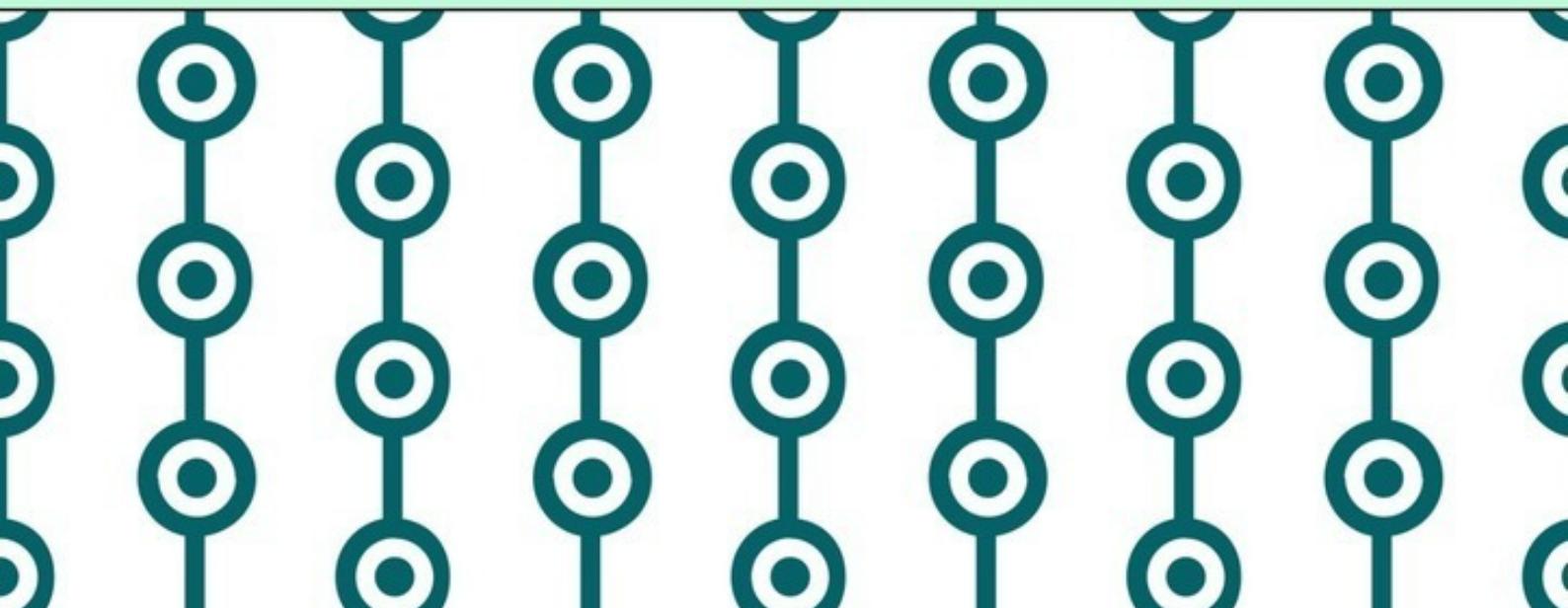

Петр Дмитриев

*Гид
по «тюряжке
легкого
режима»*

или руководство для тех, кто «сел»
по ошибке

Петр Дмитриев

**Гид по «тюряжке легкого
режима». Или руководство
для тех, кто «сел» по ошибке**

«Издательские решения»

Дмитриев П.

Гид по «тюряжке легкого режима». Или руководство для тех, кто «сел» по ошибке / П. Дмитриев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857049-0

Книга описывает личный опыт пребывания автора в местах отдаленных, со всеми «прелестями», сложностями, чувством неотвратимости и особенностями «контингента». Тем не менее книга написана в легкой манере слога, с оптимизмом и юмором, которые помогли автору преодолеть все круги ада и выйти сухим из воды. Ну или почти сухим.

ISBN 978-5-44-857049-0

© Дмитриев П.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. «Приговор»	7
Часть 1. Лагерь	9
Глава 1. Карантин	9
Глава 2. Погружение	13
Глава 3. Жилка	18
Глава 4. Маски-шоу	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Гид по «тюряжке легкого режима» Или руководство для тех, кто «сел» по ошибке

Петр Дмитриев

Посвящается моей нежно любимой А., которая была рядом со мной и поддерживала меня все время моего заключения. Ну почти все время.

«А суп я все-таки люблю с картошкой и вермишелью одновременно».

© Петр Дмитриев, 2017

ISBN 978-5-4485-7049-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Disclaimer.

Все написанное в этой книге является плодом творчества молодого русского ученого (меня), что само по себе уже наводит на размышления относительно его, ученого (то есть меня), вменяемости, ибо в России учеными становятся только в той или иной степени психи.

Большая часть заметок написана мной непосредственно во время отбывания наказания в колонии-поселении, однако в тексте встречаются и более поздние вставки и дополнения, написанные мной уже после освобождения.

Все имена, клички, фамилии, звания и названия населенных пунктов и учреждений изменены по разным причинам. Любое совпадение прошу считать чистой случайностью, не имеющей отношения к реально существующим людям, городам и «конторам».

Все остальное – события, факты и их хронология – является чистой правдой.

Ни при каких условиях не вздумайте повторять ничего из описанного в этой книге самостоятельно или с чьей либо помощью ни дома, ни на улице, ни где бы то ни было еще. Даже под присмотром старших.

Ни при каких условиях не садитесь в тюрьму. Или хотя бы постарайтесь не сесть. Нечего там делать никому. Это сплошная трата нервов, здоровья и, главное, времени. Но уж если так сложились обстоятельства и посадки вам не миновать, а вы никогда до этого не только не сталкивались с лагерной жизнью, но и избегали любого упоминания о ней, и в силу этого не знаете ровным счетом ничего из того, что ждет вас по ту сторону егозы*, то...

Вашему вниманию предлагается:

ГИД ПО «ТЮРЯЖКЕ ЛЕГКОГО РЕЖИМА» ИЛИ РУКОВОДСТВО ДЛЯ ТЕХ, КТО «СЕЛ» ПО ОШИБКЕ

который рекомендуется расценивать, не столько как путеводитель, сколько как один из образцов поведения в непредвиденной обстановке.

Так получилось, что в жизни я столкнулся с ситуацией, о которой ничего не знал. Вообще ничего. А главное, что нигде не было никакой конкретной информации. Только субъективные источники в виде знакомых «консультантов». Поэтому специально для таких, как я, и предназначена эта книга.

Пролог. «Приговор»

Статья 75. УИК РФ. Направление осужденных в колонию-поселение

1. Территориальный орган уголовно-исполнительной системы не позднее 10 суток со дня получения копии приговора (определения, постановления) суда вручает осужденному к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении предписание о направлении к месту отбывания наказания и обеспечивает его направление в колонию-поселение. В указанном предписании с учетом необходимого для проезда времени устанавливается срок, в течение которого осужденный должен прибыть к месту отбывания наказания..

В 2010 году в мае на темной скользкой дороге со мной произошло страшное ДТП. В мою машину врезалась другая машина и в нее третья. В результате пассажирка второй машины погибла, а я и водитель второй машины получили довольно серьезные травмы. Я был не виноват, но сразу после того, как меня выписали из больницы, следователь, а потом и суд, сделали меня сперва подозреваемым, потом обвиняемым, потом подсудимым, и, наконец, виновным в причинении смерти в результате ДТП. Как это так получилось, я рассказывать не буду, по крайней мере в этой книге. Это долгая и грязная история, но, к сожалению, свойственная нашей стране. Скажу лишь, что следствие и суды продолжались 4 с лишним года: журналисты, телекамеры, возвраты на доследование, взятки. Кстати, мой следователь на моем деле получил звание майора.

Итак, я проиграл все суды первой инстанции, которые назначили мне 2 года колонии-поселения. Затем я проиграл апелляцию. И мне оставалось только ждать, пока мои документы по почте придут во ФСИН (Федеральную службу исполнения наказания), после чего мне надлежало забрать предписание и самому явиться к месту отбывания наказания. Добровольно...

Я ждал 2 месяца. Не удивительно, ведь документы шли почтой России. И наконец мои документы пришли в УФСИИ по Московской области. То, каким будет мое ближайшее будущее, я понял еще на подъезде к территории службы исполнения наказания. Последние 200 метров дороги были похожи на постыдерный пипец. С трудом объезжая лужи глубиной в полтора колеса, заполненные вязкой жижей из земли, воды и окурков (вот такой вот сюрприз для автомобилистов), со скоростью полкилометра в час я доехал до парковки. Само собой, мест на этой парковке не оказалось, и я припарковался на обочине. По чавкающей февральской каше я добрал до КПП. Дежурный, куривший прямо в своей каморке и выпускающий дым в окошко для посетителей, хамовато предложил мне проследовать «пешим туром по горячей путевке» прямо в спецотдел. Так вышло, что именно в этот день структура ФСИН праздновала 150-летие. Для меня, как для «неместного», это означало только одно. Никого нет на рабочих местах, никто не хочет работать, все служащие слоняются по коридорам и поздравляют всех, кто в форме. Спустя час мне удалось добиться аудиенции сотрудницы спецотдела. На удивление она оказалась очень приятным в общении человеком. На протяжении всего процесса оформления моего дела, она всячески пыталась сгладить для меня все неудобства и заскорузлости бюрократической системы. Мы довольно мило и непринужденно пообщались о жизни, государстве, мировой экономике, проблемах образования в России и о предпочтениях в выборе кофе. Тем не менее, несмотря на все ее усилия, объем необходимой работы по оформлению одного!!! дела меня просто поразил. Анкеты, бумаги, заявления, вопросники, справки, ходатайства и напоследок, отпечатки пальцев. Во всех цивилизованных странах снимают отпечатки 10-ти пальцев или 2-х ладоней целиком. У нас же пальчики «откатывают» следующим образом: для начала все 10 подушечек пальцев, затем по 4 пальца правой и левой руки, соединенных вместе, затем обе ладони целиком и потом отдельно указательные пальцы обеих рук. И все это в трех экземплярах. Нужно отметить, что перед каждым отпечатком вам намазывают

пальцы специальным валиком с совершенно уникальным составом. Мне вообще показалось, что это черная тушь, смешанная с клеем и с маслом. Потому что после всей этой процедуры я около 20 минут пытался с мылом отмыть руки, но у меня так до конца это и не получилось. Краска держалась еще пару дней). В результате пальцы мне откатали минут за 45—50 и, наконец, выдали мне предписание о явке в колонию-поселение в Зеленограде.

Примечательно, что та же сотрудница при оформлении следующего горе-автомобилиста вела себя уже диаметрально противоположно. Не знаю, что повлияло на ее отношение к следующему осужденному. Внешний ли вид, неспособность связать два слова или отсутствие передних зубов, спрятанное под большими «терьерскими» усами... Видимо, в УФСИН по МО работают профессионалы своего дела...

Итак, Зеленоград! Я испытал противоречивые чувства. С одной стороны, эта колония – самая близкая к Москве. Всем родственникам, друзьям и коллегам ездить ко мне на свидания будет весьма удобно. С другой стороны, я уже был наслышан об этой колонии, и информация эта была не самой приятной. Ведь колония-поселение в Зеленограде – красная зона, а значит экам там живет не так уж сладко. (Для тех, кто в жизни вел себя хорошо и не сталкивался с системой исполнения наказания, поясню: все исправительные учреждения с точки зрения заключенных делятся на черные и красные. Черные – те, где бразды правления – негласно, конечно – в той или иной степени находятся в руках эков, красные – где всем заправляют люди в синей камуфляжной форме. Более подробные отличия будут упомянуты в следующих главах.) И вот с этими мыслями я и поехал из УФСИН домой. Готовиться и паковать чемоданы.

Часть 1. Лагерь

Глава 1. Карантин

Статья 75. УИК РФ. Направление осужденных в колонию-поселение

2. Осужденный следует в колонию-поселение за счет государства самостоятельно. Оплата проезда, обеспечение продуктами питания или деньгами на время проезда производятся территориальным органом уголовно-исполнительной системы в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации.

3. Срок отбывания наказания исчисляется со дня прибытия осужденного в колонию-поселение. При этом время следования осужденного к месту отбывания наказания в соответствии с предписанием, предусмотренным частью первой настоящей статьи, засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за один день.

В колонию привезти меня взялись двое моих друзей. Мы стартовали из дома на Алексеевской в 6 утра на вторые сутки после получения предписания. То есть 14 марта 2014 года. Всю дорогу до Зелика друзья, знающие о жизни за колючей проволокой непонаслышке, занимались инструктажем без пяти минут ЗЭКа – меня.

– Меньше говори, больше слушай. Лишний раз не светись, – начал первый.

– Ни с кем ни во что не играй ни на интерес, ни без интереса, ни «просто так», – перебивал второй, – «Просто так» – означает, что играешь на свою жопу.

– Учти, там будет много «запретов» – наркотики, «синька"*, «дудка"* – тебе решать, связываться с этим или нет. Если не хочешь «залетов», посылай все это на хрен.

– Никому не позволяй докапываться до себя. В обиду себя не давай. Если чувствуешь, что правда за тобой, можешь и в хлебальник дать. На зоне прав не тот, кто сильнее, а тот, за кем арестантская правда.

– Будь на стороже. Там наверняка будет много «козлов»*

– А это еще кто? – поинтересовался я, понимая, что смысл слова «козел» на воле отличается от смысла этого слова в зоне.

– Козел – это ЗЭК, который работает на ментов. Подслушивает, подсматривает, вынюхивает. Короче, пытается раскопать какой-нибудь запрет, а потом пойти и настучать на тебя, как дятел, получить свою благодарность в личное дело и выйти по УДО (Условно-досрочное освобождение. прим. автора).

За подобными разговорами и кратким курсом «урко-русского» языка (словарь терминов приводится в конце книги) мы быстро долетели до зоны. Вид, который открылся нам после последнего поворота, удручал. На фоне только начавшего светлеть неба высилась трехметровая стена с колючей проволокой. Посередине стены двухэтажный дом, справа и слева от него ворота и калитки с вывесками. Позже я узнал, что зона разделена этим домом и большим забором пополам. С одной стороны находится СИЗО №122 с охраной, автоматами, собаками, датчиками движения «кристалл», зэками в черной робе с нашивками, с другой Колония Поселение №222, или посёлк – вместо автоматов газовые баллончики, вместо робы вольная одежда, и множество других небольших, но приятных бонусов, по сравнению с колониями других режимов (Рис. 1).

Я простился с друзьями, поблагодарил за краткий экскурс в жизнь «за стеной» и, взяв сумку с вещами, пошел к калитке. С этого момента – 14 марта 2014 года – начался мой срок заключения в 2 года или 730 дней, или 17 520 часов.

Калитка вела прямо в каморку КПП, где дежурный довольно вежливо поинтересовался, кто я, что мне надо и зачем я приехал. Я сдал свой паспорт и предписание УФСИН, после чего все вопросы у дежурного отпали (по всей видимости, сначала он принял меня за родственника какого-нибудь сидельца, приехавшего на свиданку). Меня провели в досмотровую комнату, в которой потребовали выложить вещи из сумки на стол и раздеться до трусов. После довольно беглого осмотра моих пожитков дежурный счел своим долгом, пока я одевался и собирал шмотки обратно в сумку, довести до моего сведения основные правила внутреннего распорядка (ПВР), гласные и негласные:

– соблюдай режим: подъем, отбой, проверки (в день три плановые проверки и может нагрянуть внеплановая), не «затягивай»* запретов, следи за внешним видом (не бритая щетина – это залет), ни с кем не играй, не давай и не бери ничего в долг. А, да. Еще. У нас на зоне есть два «петушка»*. У них отдельные кровати, отдельный стол в столовой, ничего у них не бери и не здоровайся за руку. Все остальное тебе расскажут сидельцы, – закончил свою тираду дежурный, довольно ухмыляясь, и повел меня по территории зоны, мимо ЗЭКов, стоявших то тут, то там небольшими группками, в небольшой огороженный глухим забором дворик под названием карантин.

Карантин оказался небольшой пристройкой с тыльной стороны основного корпуса отряда №1, полностью отделенной от остальной территории зоны забором с колючкой (Рис. 1). Дворик был размером не больше стандартной кухни в новостройках, но в нем помещались только две скамеечки с пепельницей для курения и складная сушилка для белья. Из дворика можно было попасть в пристройку, которая никак не сообщалась другими помещениями этого корпуса. От входа прямо вел длинный узкий коридор, с дверями по обеим сторонам. Первая дверь слева вела в спальную комнату на 12 двухэтажных шконарей*, напротив микроскопическая кухонька, она же столовая. Чуть глубже располагались санузел, раздевалка и ПВР (помещение для воспитательной работы) с телевизором и видеком.

По закону и здравому смыслу карантин служил для предварительной проверки вновь прибывших заключенных. Новоиспеченный ЗЭК помещался в карантин на 2 недели без возможности свиданий. За эти 2 недели, во-первых, ему обязаны были сделать медицинское обследование, в том числе на особо опасные инфекции, во-вторых, сотрудники колонии имели возможность присмотреться и понаблюдать за его поведением, провести ознакомительные беседы и психологические тесты. На деле в этой конкретной колонии все было урезано до абсурда. За неимением медсанчасти все медицинские обследования заключенных были отменены, остались только беседы с персоналом и психологические тесты.

Сидельцы встретили меня вполне дружелюбно, хотя, надо признать, что как раз первого контакта с этой незнакомой и неизвестной мне публикой я опасался больше всего. Познакомились, показали мне мою шконку на ближайшие 2 недели, выдали мне матрас с бельем и усадили за чай. Все было в лучших традициях ЗЭКов. Фаныч* с цифирем пустили по кругу (для знакомства и в знак единения арестантов). Каждый делал по 2 глотка и передавал кругаль следующему по часовой стрелке. В процессе «чаепития» с конфетками я, опять же согласно традиции, рассказывал о себе, кто такой, чем занимался по воле, кто семья, женат, дети. Бурные овации вызвала моя специальность. Ведь в дипломе у меня написано «биохимик-вирусолог». Сразу посыпались шутки о том, что мы должны открыть тут лабораторию и «варить» фен, герыч и прочую отраву.

– Мы тебе все достанем, братан! Все ингредиенты, оборудование, посуду, колбы, шмолбы, – заявляли они с воодушевлением, – будешь варщиком, станешь легендой.

Вот тут-то я понял, что допустил первую ошибку. Не стоило рассказывать о своей профессии и навыках химика. Ну или стоило как-то завуалировать, вроде биолога-ботаника или энтомолога. Впоследствии ко мне неоднократно и в шутку, и посерьезке подходили ЗЭКи всех мастей и предлагали «сварить что-нибудь такое, чтобы закайфовать не по-детски, и чтобы отпу-

стило только к концу срока». На это я всегда отшучивался, что я «такого наварю, что те, кто не „отъедет“ сразу, будут потом до конца жизни в дурке* тупить. Мало не покажется.»

В этот первый раз я тоже отшутился, что варить мет (см фен*) – дело непростое и долгое. Ошибешься в одном месте – и все. От ожога легких до гниения сосудов.

Разговор о лаборатории почти сразу после этого сошел на нет, и мы переключились на другие темы. В основном, те, кто «присел» не первый раз, травили байки о прежних сроках. Кто на чем попадался и как и где сидел.

На момент моего появления в карантине было 13 человек. По статьям УК РФ их можно было разделить на четыре группы: 158, 161,162 (кража, грабеж, разбой) – первая группа, 228 (хранение и сбыт наркотиков) – вторая группа, 264 (ДТП со смертельным исходом) – третья группа и 157 (алименты!!!) – четвертая группа.

Первые 2 группы в большинстве своем были представлены рецидивистами с двумя-четырьмя судимостями. Зато все «аварийщики» и «гадские папы*» были и первоходами* и самоходами*.

Еще был один сиделец. Он держался отдельно от остальных и, казалось, немного опасался их. Как выяснилось позже, мусора поставили его руководить бытом в карантине. Одним словом это был козлик*. В свое время он сильно проигрался в карты на центральной* и не смог расплатиться. Чтобы его не «опустили», он попросил убежища у мусоров, а в обмен он сдал им «котловую хату*». Для тех, кто ничего не понял, поясню, что он сдал мусорам ту камеру, где хранился арестантский общак* всего центра. И мусора этот общак «отмели*». После такого проступка ему опасно было попадать в любой лагерь нашей страны, так как дурная слава о его «непорядочности» разнеслась мгновенно, ведь более «гадского» поступка в арестантском мире сложно представить. Когда он попал в КП-222, мусора сразу предложили ему отсидеть весь срок в карантине с новичками, чтобы не пересекаться с матерыми ЗЭЖами в лагере, и, конечно, в обмен выполнять нехитрую работенку. В его обязанности входило разъяснять первоходам подробности арестантской жизни, брить их наголо, следить за порядком, зимой чистить снег во дворе, ну и по совместительству «постукивать» руководству колонии о том, что из себя представляют вновь прибывшие сидельцы, какие имеют наклонности, ожидать ли от них неприятностей, склонны ли «шатать*» режим.

После чая два бывалых сидельца отвели меня в сторону посоветовали при козлике ничего важного не говорить, больше слушать, душу не раскрывать, ничем не делиться.

В это время в карантин зашел дежурный и пригласил меня проследовать за ним. Я надел куртку и вышел из карантина через калитку на территорию лагеря. Дежурный вел меня на прием к отряднику (начальнику отряда). Мы обогнули здание первого отряда (это оказалось тоже самое здание, на первом этаже которого был карантин) по периметру и вошли в него с противоположной стороны. Пока мы шли, ЗЭЖи, кучковавшиеся на улице, с интересом меня рассматривали. Поднявшись на второй этаж, мы подошли к кабинету отрядника. На двери было написано: Начальник первого отряда Баранов, Начальник второго отряда Оленев. Меня еще позабавило такое неожиданное скопление крупного рогатого скота в одном кабинете. Я постучал и вошел. В кабинете сидел мужчина лет 50ти во ФСИНовской форме. Оленев. Морщинистый, коротко стриженный, коренастый, с неприятным, отталкивающим лицом. Он велел мне представиться: ФИО, статья, срок. Затем он усадил меня на табурет и стал медленно вносить меня в базу данных в своем компьютере. Было очевидно, что его навыки работы на РС далеки даже от уровня любителя. После этого затяжного процесса он вызвал через дежурку двух сидельцев, тоже работавших при штабе, в так называемой хозобслуге. Они принесли с собой несколько бланков заявлений, которые мне предстояло заполнить от руки: заявление на добавление родственников и близких в список лиц, допущенных к свиданиям со мной, заявление о постановке на довольствие, тесты на психологическое состояние и множество других бумажек. Я справился с этими рукописными простынями довольно быстро. Потом отрядник поста-

вил меня к стенке, сфотографировал в фас и профиль, попросил раздеться и описал в своем бланке все мои татуировки и шрамы. «Фотосессию» он перенес с фотоаппарата на компьютер при помощи тех же ЗЭКов (сам бы он это делал очень долго), и они распечатали мне бейджик, который все ЗЭКи должны были носить не снимая весь срок, бирку на койку и на тумбочку, заламинировали на настольном ламинаторе и выдали мне на руки. После всего этого меня, наконец, сопроводили обратно в карантин, который я не покидал следующие 10 дней.

Такое вот начало.

Глава 2. Погружение

Статья 79 УИК РФ. Прием осужденных к лишению свободы в исправительные учреждения

1. Прием осужденных к лишению свободы в исправительные учреждения осуществляется администрацией указанных учреждений в порядке, установленном Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений.

2. Осужденные, прибывшие в исправительные учреждения, помещаются в карантинное отделение на срок до 15 суток. В период пребывания в карантинном отделении осужденные находятся в обычных условиях отбывания наказания.

Как я уже говорил, весь карантин четко поделился по статьям. Все пятеро алиментчиков были практически невидимками. Никто не брал их в расчет из-за их коротких сроков. Они заезжали в колонию в среднем на 2—3 недели. Кто-то на полтора месяца, а кто-то на 3—4 дня. Они держались особняком, своей кучкой. Все две недели карантина они смотрели телевизор, ели баланду*, разгадывали кроссворды и травили между собой анекдоты. В общем, скучные были ребята.

Из остальных сформировалась наша довольно дружная (насколько это слово применимо в лагере) компа: я, Саша Самошин (тоже ДТПшник, мой будущий друг и будущий семейник до конца срока), Саша Палеологов (ст. 158), Русо (ст. 228), Миха (ст. 161), Макс Микромолекула (ст. 158) и Дед (престарелый ДТПшник с диабетом). Весь карантин мы отжигали, как могли. И вот лишь несколько самых запомнившихся историй о наших «подвигах».

Связь.

По правилам колонии ЗЭК из карантина никак не мог связаться с волей (в отличие от основного лагеря, где официально есть таксофон). Но еще по дороге в КП-222 мои друзья рассказали мне, что скорее всего со связью и в карантине и в зоне все будет хорошо. И не обманули. Самый опытный и бывалый сиделец из нашей тусовки в первый же день своего срока отвел в сторонку козлика Леху, и после недолгой, но суровой беседы, текст которой навсегда останется тайной для нас, оказалось, что у него спрятаны 2 трубы*: одна личная и одна общаковая, которая предназначалась ЗЭКам карантина, но по какой-то причине попала в руки к Лехе. Ее-то он и отдал нам на откуп, пообещав не «стучать» об этом в дежурку.

Отказать Сане Леха не мог. Положение его и так было шатким в силу его репутации. Да и срок его приближался к концу. В карантине он был в безопасности, но месть на воле никто не отменял, учитывая, что он и так нарушил все гласные и негласные законы воровского мира. Поэтому у него не было никакого резона обострять ситуацию. Страх – сильный стимулятор.

Тем же вечером весь карантин, выставив одного на фишку*, с удовольствием названивал родным и близким и сообщал, что с ними все хорошо.

Дороги.

Пару дней спустя мы все смотрели телек в ПВР. Окно, выходящее во дворик ШИЗО (штрафной изолятор, где содержатся сидельцы, наказанные за нарушение дисциплины), было приоткрыто, так как, в нарушение всех правил, все курили в помещении. В это время один из охранников, Рыжий, вывел арестантов из ШИЗО на плановую прогулку. Пока они курили одну сигарету на троих (в ШИЗО курить было запрещено для ужесточения наказания за нарушение режима), Рыжий подошел к нашему окну со стороны улицы и тоже уставился в телек. Там как раз начиналась Наша Раша. И тогда Макс сощурил глаза и сказал Рыжему нерусским голосом: «Приуэтт Нясяльника». Рыжий заржал, погрозил кулаком и ушел. А Саня Палеологов

встал и в полголоса сказал, обращаясь к нам: «Вон в ШИЗО совсем нет курехи*. Сидельцы страдают. Надо бы помочь. Он «цинканул*» на лагерь через стенку в раздевалке: вызвал на разговор ЗЭКов из жилки*. Сквозь забор, разделяющий двор карантина и жилку, (забор был выполнен из листового железа, поэтому переговариваться через него не составляло никакого труда) он выяснил, что действительно «греть*» кичу* с лагеря довольно не просто, поэтому тем, кто сидит в ШИЗО, приходилось не сладко. Стали думать, чем и, главное, как помочь. Бывалые ЗЭКи: Саша, Мак, Миха, вспоминая опыт централов*, генерили идеи одну за другой.

– Давай сделаем «ружье» и будем «застреливаться», – первое решение предложил Макс.

– Давай. А потом провесим «дорогу*».

Я с интересом наблюдал, что происходит, пока не понимая ни слова из того, что было только что произнесено.

Выяснилось, что «ружье» – это длинная трубка, склеенная из скрученных листов газеты, длиной в метр. В нее вставляется «волан» – конус из той же газеты, с куском хлебного мякиша для утяжеления. К волану привязан конец нитки. А «застреливаться» – означало сильно дуть из этой трубки в требуемом направлении, чтобы волан долетел до ЗЭКов с той стороны. ЗЭКи закрепят нитку и дорога готова.

В процессе изготовления «ружья» Саня попросил меня принести «мойку*». Я сначала опешил. Какую, к черту, мойку? рассмеявшись, Саня перевел мне это слово на человеческий язык. Это всего лишь лезвие одноразовой бритвы, вынутое из станка и вплавленное одним концом в пластиковую ручку, так чтобы получилось что-то типа самодельного ножа. И нужна она для упрощения изготовления волана, ведь чем ровнее обрезан волан, тем дальше и прицельней он летит.

После того, как ружье было готово (на все про все ушло около 30 минут), через окно, силой Михиных легких, волан был отправлен во дворик ШИЗО. На следующей прогулке ЗЭКи из ШИЗО смогут, потянув за нитку, добыть себе грузá в виде приготовленных нами свертков с сигаретами и спичками. Это и есть дорога.

К сожалению, наша дорога проработала недолго. Мы успели передать только 2 груза. К вечеру следующего дня мусор, охраняющий ШИЗО, оборвал ее с особым цинизмом, пригрозив нам всяческими расправами.

Но «голь на выдумки хитра». Саня тут же придумал другой способ. Он оторвал от спинки шконаря железный прут и согнул его так, чтобы получился коловорот и, попрыгав на одном конце, сплющил его.

– Будем сверлить кабуру* прямиком в ШИЗО. У нас ведь с ними одна смежная стенка в раздевалке, – подхватил идею Миха.

От ШИЗО нас действительно отделяла всего лишь одна стенка толщиной в 2 кирпича. И мы стали по очереди, выставив одного на фишку, сверлить дыру в этой стене на высоте около 5 см от пола, чтобы было не так заметно. Дело это было не простое, так как сверлили мы согнутой буквой П железной палкой, выдернутой из спинки шконаря*. Мы возились несколько часов, и каждые пятнадцать минут подметали бетонные и кирпичные крошки, чтобы не оставалось следов наших подвигов на случай, если неожиданно нагрянут мусора. Пока мы сверлили, Саня занялся изготовлением маскировки. В хлебный мякиш он выдавил немного пасты из шариковой ручки и тщательно размешал. В результате получилось тесто ровно такого же нежно-голубого цвета, в который были выкрашены стены раздевалки.

После многих часов стараний и кучи мозолей на пальцах, нам удалось пробуриться в ШИЗО. Дырка вышла ровно такой толщины, что в нее спокойно пролезала сигарета. И теперь мы могли загонять на кичу сигареты в неограниченном количестве, а после осуществления таких «транзакций» дырка заклеивалась голубым хлебом, и начисто исчезала из поля зрения.

Ну ведь гениально же, черт побери. Чего только не изобретет пытливый ум человека, ограниченного в материалах и средствах.

Кстати, дырку мусора нашли только спустя пару месяцев, когда всех нас уже давно «подняли» в жилку. И то, только потому, что какие-то наши последователи недалекого ума в карантине умудрились передавать сигареты в тот момент, когда в ШИЗО зашел дежурный, который тут же спалил всю контору. В тот же день дыру зацементировали и закрасили.

Дельтаплан.

Подсадили нам в карантин еще одного арестанта. Серегу. Было ему лет 45, хотя точно по нему не скажешь. Он сидел уже не первый раз, сидел на тяжелых наркотиках, так что внешний вид мог существенно не совпадать с возрастом. На этот раз он «присел» по 158 статье, но так как предыдущая судимость у него была уже погашена и закрыта, он попал в колонию-поселение, как первоход, а не на общий режим, как рецидивист. Он был весь синий от наколок.

Как и полагается, все его наколки были сделаны в лагерях с использованием «жженки». Жженка – это самодельная краска для татуировок, полученная путем разведения в воде сажи, собранной после сгорания резинового каблука от арестантской обуви. А так как вся арестантская обувь черная, то и краска получается всегда черной (под слоем кожи она кажется синей).

Он беспрерывно рассказывал много веселых и не очень историй про «малолетку*», про общий и строгий режимы, БУР, СУС, петушка «Асечку» из какого то очередного СИЗО, который что-то такое умел, чего ни одна женщина не умеет, про бражку, вскрытые вены и животы, кишки на «кормяке*» и мусорской беспредел... В общем пережил он многое и, вследствие этого, ну или по другим причинам, он был немножко ненормальным.

Забыл сказать, что в зоне почти во всех помещениях, кроме разве что туалета и душа, и по всему периметру были установлены видеокamеры для слежки за ЗЭКа. Так что жизнь в лагере напоминала реалити шоу «За стеклом» или «Дом-2». Карантин тоже не был исключением: в спальне в углу под потолком располагался видеоглаз с инфракрасной подсветкой для ночного наблюдения.

И как-то после обеда, часа за два до пятичасовой проверки Серега вдруг выскочил из ПВР и побежал в спальню. Встав перед камерой он стал плясать и орать во все горло песню Леонтьева «Дельтаплан». Плясал как умел, размахивая руками и ногами во все стороны. Мы все собрались у входа в спальню и наблюдали сие действо. Не прошло и пяти минут, как дверь локалки с грохотом хлопнула, и в карантин ворвались двое мусоров: Амик и Арик. Оба – кавказцы, но первый – здоровенный, ладно сложенный сидящий спецназовец, ветеран Чечни, всегда спокойный и с юмором, второй – в два раза меньше по всем параметрам – от роста до возраста, но не менее спокойный и еще более веселый. (Втихаря в лагере их называли «кавказской» или «горной» сменой). Они взяли Серегу под руки и увели на КПП.

Вернулся он минут через 15, один. Немного помолчал. Потом поведал нам, что его завели в дежурку, чутка побуцкали. Не сильно. В назидание. Потом дали стакан воды, чтобы успокоился, и отправили обратно в карантин.

С тех пор Серега получил погремуху* «Дельтаплан». И во всем лагере весь его срок за ним сохранялась эта кликуха.

Разумеется, это была неофициальная кличка, ведь давать имена и определять место ЗЭКа в арестантском мире могут только ВОРы.

А вот как информация о зэках молниеносно распространяется по всем зонам страны? Это уже следующая история.

Курсовые.

Первый способ узнать все о ЗЭКе – это конечно телефон. Например, заезжает новичок в зону. Его спрашивают, по какой статье заехал, где раньше чалился*, кем жил, что делал

по воле. А потом просто звонят знакомым на централах и по лагерям и проверяют. Знали ли такого, как себя вел, был ли порядочным арестантом или водились за ним поступки «гадские, блядские*». Молодец он или тварь.

Другой способ, на мой взгляд наиболее красивый, традиционный и ритуальный.

В день, когда я заехал на карантин, прибыло еще двое ЗЭКов. Один алиментщик и один наркоман. Вечером перед последней проверкой, Макс, взяв лист тетрадной бумаги, стал красивым почерком писать: «А. У. Е. Жизнь ворам!..» и еще несколько строк вступления, причем некоторые слова, подчеркивались одной чертой, а некоторые двумя.

Макс рассказал мне, что это стандартная форма записки воровскому сообществу, где А. У. Е. означает Арестантский Удел Един или Арестантско-Уркаганское Единство, одной чертой подчеркивается «людское» (все, кроме пидоров, козлов), двумя – воровское, тремя – божье. Считается, что в лагере иерархия строится пирамидально. Все держится на людском, на обычных мужиках-работягах, над ними воры, а над ворами только бог.

Далее в этой записке, которая называлась весомым словом «курсовая», перечисляются списком все, кто прибыл в лагерь за последнее время: ФИО, статья, срок, количество ходок, где сидели, погребухи, семейные положения. Ночью курсовая через щель в заборе ушла на основной лагерь, откуда или через родственников-посетителей, или через другие «ноги*» попала нужным людям из воровского мира.

Все. Информация отправлена, получена, принята к сведению. Если возникнет вопрос, или с воли есть что сообщить про вновь прибывших, они посылают обратку тем же путем.

Кстати, курсовая ни при каких условиях не должна попасть к мусорам. При угрозе шмона, ее лучше уничтожить, съесть, сжечь. Иначе, это серьезный залет. Тот, по чьей вине она, не дай бог, попадет не в те лапы, ... В общем, как я и говорил, лучше съесть. Иначе потом «спросят, как с понимающего».

Согласитесь, красивый способ коммуникации. Несколько архаичен и не быстр, зато пользуется особым престижем. Тот, кто на лагере отвечает за курсовые, обладает множеством привилегий. Но, конечно, если информация нужна срочно, все плюют на престиж и почет и пользуются тырками (они же балалайки). В наш то век высоких технологий...

По собственному желанию.

Под конец моего пребывания в карантине к нам заехал парнишка по имени Леха. По внешности и разговору он был полнейшим лошком.

Да и сел он по статье 158 УК РФ на три года. Небывалый срок для мелкой кражи. Оказалось, что его подставил друг- поделник. Он дал Лехе дорогой мобильник и попросил сдать его в ломбард, якобы срочно нужны были деньги. В ломбарде Леху «приняли» мусора. Телефон был ворованный. Друг, естественно, пошел в неосознанку, и все скинули на Леху, поскольку его взяли с личным. По ходу следствия мусора навешали на Леху еще три «картинки» всяков, пообещав доверчивому парняге всевозможные побряжки и послабления режима. Конечно же в суде Леху раскрутили по полной и дали три года колонии-поселения. Все послабления и побряжки были лапшой на раскидистые уши наивного подсудимого. Но это все – лирика.

Саня Самошин (он же Киба) решил немного подшутить над Лехой, подговорил остальных ЗЭКов, чтобы они ему подыграли, и завел с ним такой разговор:

– Ну что, Леха. Сидеть-то тебе долго?

– Три года дали.

– Это, блин, до фига. А на волю-то хочешь?

– А кто ж не хочет-то? Понятно, хочу.

– А ты виновен?

– Да нет, говорил же. Понавешали на меня всяков и закрыли. «А Рафик ни у чем не уиноваты!» – процитировал он миниатюру Мартиросяна из Камеди Клуб.

– Ну, а че ты, как не родной-то? От коллектива отбиваешься. Бери с нас пример. Мы же тоже не виноватые все. Вчера мы все написали заявления на имя начальника колонии с просьбой отпустить нас на свободу по собственному желанию, так как нас посадили по ошибке. Теперь ждем, что нас со дня на день отпустят, а дела отправят на пересмотр. Пиши быстрее, может успеешь попасть в общую волну.

И Леха немедленно сел сочинять такое ходатайство. Все мы, посмеиваясь про себя, подсказывали ему, как правильно писать, как мотивировать и как подытожить. На ближайшую же проверку, которую проводил Оленев, Леха вышел с исписанным от руки листком А4. После переключки он вручил «рогатому» свое заявление, и в карантине повисла долгая пауза, прерываемая лишь сдержанными смешками сидельцев. После пары минут раздумий, в течение которых, мне кажется, Оленев силился понять, розыгрыш это или заявление посерьезке, он окинул Леху оценивающим взглядом и вежливо поинтересовался, не состоял ли тот на учете в ПНД и давно ли проверялся у психиатра. И тут все заржали в голос и стали активно комментировать произошедшее. Олень порвал заявление на мелкие кусочки и выбросил в урну. Леха посокрушался немного, что мы его так разыграли, но потом приободрился и повеселел. А Киба подошел к нему вечером и сказал: «Лех, без обид. Нельзя здесь быть таким наивным и доверчивым. Люди будут пользоваться этим в своих целях. Ты можешь пострадать. Впредь будь умнее и не ведись на всякую фигню».

Забегая вперед расскажу, что не прошло и месяца после того, как нас «подняли» из карантина в лагерь, Леха устроился работать на главные ворота, и поэтому впоследствии он получил погремуху Вратарь. Когда подъезжали фуры или когда приходило время ехать в СИЗО за баландой, он под присмотром мусора вручную открывал огромную тяжеленную отъезжающую створку ворот. И делал он это несколько месяцев, пока на воротах не починили мотор, и Леха стал не нужен. И тут он умудрился попасться на очередную Санину шутку. После карантина все старались поскорее трудоустроиться, потому что это сразу давало некоторые преимущества. Во-первых, это была какая-никакая зарплата. Во-вторых, рабочим людям иногда прощались нарушения распорядка дня. И, в-третьих, рабочих людей могли отпускать на выходные домой, при соблюдении некоторых условий, о которых я расскажу позже. И вот однажды Саня прибежал в отряд, подошел к Лехе и стал рассказывать о том, что он только что трудоустроился на выездной объект. На ферму, где нужно следить за коровами и овцами. И что там еще есть несколько мест. По всем вопросам обращаться к Оленю. Леха со всех ног побежал к нему. Еще бы, работа! Да еще и не в лагере, а на выездном объекте, где режим мягче и досмотра меньше. Пусть не самая чистая работа, но уже хоть что-то. Через десять минут он вернулся в отряд грустный под дружный хохот всех тех, кто был свидетелем этого развода. Он рассказал, что Оленев наорал на него, обозвал «блаженным идиотом» и «раззявой» и отправил восвояси.

Эти два случая еще очень долго путешествовали по просторам лагеря, передавались из уст в уста и обрастали небывалыми подробностями. Под конец моего заключения они звучали уже почти как легенды. Большинство ЗЭКов уже не помнило, с кем произошли эти эпизоды и в какое время, но все равно они неизменно вызвали бурю смеха и веселья.

Такой вот карантин.

Глава 3. Жилка

Статья 81 УИК РФ. Отбывание осужденными к лишению свободы всего срока наказания в одном исправительном учреждении

1. Осужденные к лишению свободы должны отбывать весь срок наказания, как правило, в одном исправительном учреждении либо следственном изоляторе, в том числе в случае назначения им в период отбывания лишения свободы нового наказания, если при этом судом не изменен вид исправительного учреждения.

После десятидневного пребывания в карантине, о котором частично я уже рассказал, а частично расскажу позже, меня и еще четырех человек «подняли» в жилку*. Среди них был и мой будущий «семейник*», с которым мы переживем множество ситуаций, плохих и хороших. Саша Самошин. Тоже ДТПшник, с таким же сроком, тоже не виновен. У нас было только одно различие. Его «потерпевшие» успели вчинить ему иск на целых 2 миллиона рублей, а мои опоздали с датой подачи иска. Поэтому иска у меня не было.

Нас четверых с баулами и машками* вывели из карантина и повели в лагерь на распределение по отрядам. Распределение длилось всего секунду. Нас всех поселили во второй отряд – длинный одноэтажный барак, облицованный тошнотно-желтым сайдингом. Меня, Сашу и Макса Микромолекулу определили в первый кубарь*, а алиментщика, которого подняли с нами, – в третий (всего их во втором отряде 4). Кроме нас в кубаре жил еще 31 сиделец, 30 из которых – ДТПшники.

Встретили нас мирно и без эксцессов. Мы разложили матрасы и понемногу стали осваиваться и приспосабливаться к месту, где нам предстояло провести ближайшие годы.

Весь лагерь, как оказалось, состоял (и по сей день состоит) из карантина, двух барачков (первого и второго отрядов), столовой, комнаты длительного свидания (КДС), комнаты краткосрочного свидания (ККС), банно-прачечного комбината (БПК), небольшого футбольного поля, ангара, в котором располагался спортзал, штаба и промки* (Рис.1). По всей территории то тут, то там располагались камеры видеонаблюдения за ЗЭКаами. Было много слепых зон на промке, но жилку они охватывали почти целиком.

Дальнейшее подробное хронологическое изложение событий довольно скучно, так как в 90% случаев день в лагере никак не отличался от следующего или предыдущего:

6:00 – Подъем.

7:00—8:00 – Завтрак.

8:00 – Утреннее построение и вывод на работу.

12:00—14:00 – Обед.

17:30 – Дневное построение и съём с работы.

16:00—20:00 – Ужин.

21:00 – Вечернее построение.

22:00 – Отбой.

После подъема и до отбоя прикасаться к спальному месту не разрешалось. Ни прилечь, ни поспать. После отбоя и до подъема наоборот, не разрешалось находиться нигде, кроме шконки* или туалета. Выходные отличались от будних только тем, что подъем и отбой были на час позже.

Чтобы не утомлять вас рутинной, я решил продолжить свой рассказ серией сюжетных ретроспектив.

Глава 4. Маски-шоу

Статья 82 УИК РФ. Режим в исправительных учреждениях и его основные требования

5. Осужденные, а также помещения, в которых они проживают, могут подвергаться обыску, а вещи осужденных – досмотру. Личный обыск проводится лицами одного пола с осужденными. Обыск жилых помещений при наличии в них осужденных допускается в случаях, не терпящих отлагательства.

Этимология слова Шмон. Происходит предположительно от ивр. «шмоне» – «восемь». В Одесской тюрьме, ещё до революции, в восемь утра в камерах устраивали обыск. И заключенные ассоциировали слово шмоне (восемь) с восьмичасовым обыском.

Вечером на второй день после того, как нас подняли на лагерь, в курилке перед вторым отрядом Вадик отозвал меня в сторону от камер и ушей. Он достал из кармана черной кожанки пачку табака и машинку для закручивания папирос, скрутил гильзу и прикурил «зиппой». Закрываясь от ветра американской армейской кепкой, он сказал: «Завтра Великий Шмон. Если есть запреты, прячь поглубже.» Докурил, многозначительно подмигнул и убежал в спортзал играть в настольный теннис. Тогда я еще не понял, ни какую услугу оказал мне Вадим, ни что такое Великий Шмон, ни чем я заслужил такое доверие, да и запретов у меня еще не было, если не считать мойки*, которую я сделал еще в карантине.

Вадим. Мы познакомились с ним еще тогда, когда меня выводили из карантина в отряд заполнять бумаги и заявления. После того, как я справился с той кипой писанины, меня должны были отвести обратно, но дежурный куда-то отлучился, попросив меня подождать пару минут в курилке. Там-то и сидел Вадик в своей неизменной кожанке с неизменной самокруткой в зубах. Мы разговорились, и оказалось, что он весьма умный и образованный человек (большая редкость в подобных учреждениях, как среди ЗЭКов, так и среди мусоров). Он тоже ДТПшник со сроком ни много ни мало 5 лет. Статья 264, часть 5 УК РФ. На вид ему было около сорока лет. По воле он занимался компьютерными комплектующими, программированием и немножко бизнесом. А так как к моменту нашего знакомства от уже оттрубил три с половиной года из своего срока, то к его уму и эрудиции добавилась доля здорового пофигизма в философской оправе. В общем, побеседовать с ним было полезно и познавательно. Он не захотел говорить о зоне и отвечать на мои вопросы типа: Как оно тут? Сказал только, что все будет хорошо. Слово за слово, и мы уже неожиданно для нас обоих вели оживленный спор об окислительно-восстановительных реакциях в химии. Одним словом, нашли друг друга. Думаю, поэтому он и предупредил тогда еще малознакомого меня о грядущем шмоне.

Как бы то ни было, факт оставался фактом. Завтра шмон. И не простой, а Великий. Я передал новость Сане Самошину, Сане Палеологову и всем своим ЗЭКом из карантина. Они подивились, откуда у такого неопытного первохода такая ценная информация, и разбежались прятать все, что запрещено.

Очевидно, что спустя полчаса через меня и других посвященных, цепной реакцией все 280 зэков нашей колонии уже знали о предстоящем событии. И до отбоя все в зоне передвигались быстрее обычного, шуршали пакетиками и говорили только об одном. Я же, поскольку еще не знал, о чем идет речь, вернее не представлял себе масштабы бедствия, особо не переживал. Запретов-то у меня тогда не было. Еще не было.

Новый день – новое начало... После подъема на утреннем восьмичасовом построении, которое обычно проходило на футбольном поле перед вторым отрядом, Гушин, зам. по тылу, невысокий дядька, как потом оказалось, вообще непорядочный и нечестный человек (но об этом в других главах), чуть картавя объявил: «Никто не заходит в отряд. Всем, кто не трудоустроен, собраться в ПВР. Повторяю, в Пэээ Вээээ ЭээЭрррр.» Последняя кар-

тавая ррр вызвала смешок в рядах зэков. «Сегодня отряд ОМОНа из Управления будет проводить досмотр всех помещений колонии в присутствии наблюдателей из общественной палаты. Также будет произведен обыск осужденных». В это время за нашими спинами со стороны дежурки послышался топот берцев. Все стали украдкой оглядываться. И было на что. Перед КПП построились в ряд около двадцати добротных мужичков в бронежилетах, черных масках, шлемаках и с «ракетками*».

Двое наших вертухаев в ускоренном темпе сделали переключку осужденных, отправили трудоустроенных по рабочим местам, а остальных спешно препроводили в ПВР.

ПВР (помещение воспитательной работы) находилось на первом этаже здания первого отряда и представляло из себя большую комнату с относительно большой плазмой на одной стене, десятью рядами мягких стульев и тремя шкапами с книгами у противоположной стены. ПВР по совместительству было еще и библиотекой, и комнатой обучения. Самый дальний от телека угол был занят четырьмя деревянными табуретками. Это места обиженных.

Всего нормальных сидячих мест в ПВР было около восьмидесяти. Нетрудоустроенных зэков – около 150-ти. Так что сидели только самые проворные и самые авторитетные. Остальные или стояли или сидели на подоконниках, а кто-то прямо на полу. У каждого окна и у входа поставили по ОМОНовцу. Зэки включили по виду какой-то боевик, по моему «ПЛАН ПОБЕГА» с Арни и Сталлоне. Потом еще один, и потом еще...

Нас промариновали в ПВР около пяти часов. В туалет выпускали строго по одному и в сопровождении бойца. Потом зашел какой-то незнакомый дядя в форме, видимо, тоже из Управления, и сказал всем разобраться по пятеркам и выходить из помещения.

Началось столпотворение, ведь все рвались выйти на улицу первыми и наконец-то покурить (не курящих на зоне было всего человек пять или шесть). Наконец, и наша пятерка приблизилась к выходу из ПВР, и по коридору мы вышли на долгожданный свежий воздух, где нас ждали пятеро омовцев с ракетками* типа «АКА». Каждый из них взял себе по зэку и стал прозванивать все с головы до ног: шапку, воротник, рукава, капюшон, ремень. обувь. Потом они отложили ракетки и стали в перчатках ощупывать карманы и складки одежды. Искали телефоны, симки, наркотики. Ничего не найдя, нас отпустили в курилку, а из ПВР вывели свежую пятерку. Но это были еще цветочки по сравнению с тем, что ждало нас в отрядах.

Минут через тридцать обыск сидельцев закончился ничем. Ни у кого ничего не нашли. Оно и понятно, ведь все заранее были предупреждены. ОМОН направился к дежурке, а нас распустили по отрядам. И вот тут самое веселое...

Заходим мы с Саней в отряд и видим прямо с порога гору шмоток, сваленную в проходе вперемешку. Обувь, одежда, баулы, пакеты, – все в одной большой куче. Нечто подобное творилось и в кубарях, только кроме одежды и обуви между шконками* валялись испорченные подушки, матрасы, обломки тумбочек вместе с их содержимым. И так выглядит шмон в присутствии официальных наблюдателей. Можно себе представить, что происходит без их участия.

Весь оставшийся день мы занимались штопаньем матрасов, постелей, починкой мебели, поиском и стиркой своих личных вещей и баулов. Мне повезло больше остальных. Мой баул был просто вскрыт, но не вывернут наизнанку. Почти все содержимое осталось внутри него. Да и тумбочку мою обошли стороной. Только матрас распороли по диагонали. Санина сумка была порвана пополам, а шмотки он находил во всех уголках прохода. Зато его постель уцелела.

К вечеру мы уже оправались от последствий шмона и с весельем наблюдали, как «радуются» такому сюрпризу сидельцы, прибывшие с работы.

Столовую (Рис. 1) нам убирать не пришлось. Там наводили порядок дневальные по столовой, или баландеры*.

За весь шмон мусора отмели* трое мозгов*, одну сломанную балалайку*, 21 нож из столовой (ножи были, незаконно конечно, почти у каждой семьи*, а как иначе готовить еду?). Все...

Семья. Для упрощения быта в колонии-поселении люди объединяются по 2—5 человек. Это называется семья, а люди из одной семьи – семейники. В моем карантине, например, было 2 семьи. Алиментицики, которые сидели на баланде и почти все свободное время смотрели телек, и мы. Мы готовили себе сами на кипятильниках и шлёнках, по очереди. И в свободное время играли в нарды, травили байки, бурили стены, пытались разнообразить монотонные будни.

В жилке первый месяц мы сохраняли семью, но потом, после того как мы приняли еще пару челов, стало понятно, что наша семья слишком большая и неудобная. Готовить на 10 человек довольно не просто в тюремных условиях, даже посменно. Так что мы с Саней Самошиным откололись в отдельную семью. Затащили на зону свой холодильник (спасибо моим друзьям на воле) с разрешения хозяйки*. Не удивляйтесь. Так делали все, кто мог. Места в общаковых холодильниках на всех не хватало. К тому же они все время ломались. Так что многие привозили небольшие холодильнички с воли один на троих и пользовались весь свой срок, а потом передавали колонии в безвозмездное пользование. Нам удалось добыть целых пять ящичков в столовой (хотя каждому сидельцу полагалось только по одному, но мы задружились с Доком – главным по столовой). А поток продуктов нам обеспечивали друзья и родственники, которые приезжали к нам на свидания с большими передачками.

БОЛЬШОЕ ВАМ СПАСИБО, ДОРОГИЕ МОИ ДРУЗЬЯ И БЛИЗКИЕ, ЗА ПОДДЕРЖКУ И ПОМОЩЬ В ЛАГЕРЕ.

Небольшую часть гостинцев мы уделяли на общак, остального нам вполне хватало для существования и даже в некотором смысле роскоши.

Саня Самошин. Он же Киба, он же Пузан. Мой хороший друг, семейник. Заехал на карантин на три дня раньше меня. По той же статье, по той же части, с таким же сроком и тоже не виновен. Его тоже подставили, перевернули все дело и сделали крайним. Сам он был из города Железнодорожный. Не очень высокий, слегка полноватый и чутка лысоватый. 32 года, но ладно и крепко сложенный. Хромал на одну ногу, так как в ноге у него после аварии была здоровенная железка и 8 шурупов.*

Саня очень позитивный человек и постоянно рассказывал смешные истории из армейки, из банка, где он работал кредитным менеджером, из Госдумы, где он был поваром, из конторы по распространению средств для потенции, где он работал до отсидки и где зашибал по 200 косых в месяц. Говорил он много, интересно и с удовольствием, что и помогало ему столько зарабатывать, ведь он продавал свои «колеса для потенции» по телефону. Он мог уболтать любого ЗЭКа и любого мусора, что неоднократно помогало нам в сложных моментах. Одна из баек стала источником одной из его погремух*.

В армейке «деды» «духам» запрещали курить сигареты с фильтром. А Саня в первый день службы по незнанию пошел курить Марльборо в туалет, где его и застукал «дед».

Он немедленно стал кричать:

– Что, совсем охренел, говно? «Слабости ловишь»? Ну-ка быстро в Кибу.*

Саня в недоумении переспросил:

– Че?, какая Киба?

– Не знаешь, что такое Киба?! Дневальный, быстро сюда, – позвал он. Прибежал дневальный и встал в позу «руки за спиной, ноги чуть согнуты в коленях и расставлены на ширине плеч». И «дед» с разбегу прописал ему ногой в «душу» так, что тот отлетел спиной в противоположную стену туалета.

– Ну че, понял, что такое Киба? Еще раз увижу, будешь сам кишками плеваться.

Эту историю Саня рассказал в карантине ночью после отбоя. И на следующий день все уже звали его «Киба». Ну а Пузаном его прозвали уже в «Зеленоградстрое». Просто по фигуре. Причем, первым ему эту погремуху дал Ваня. Амбал под 2 метра ростом и под 150 кг живого веса. Так что по стройке у нас ходили Пузан и Пузан-2 – Саня и Ваня. Но об этом в следующих главах.

С едой в нашем «пионерском лагере» ситуация была довольно плачевной. По закону государство должно было бесплатно кормить заключенных. Но в законе не прописано, чем! Так вот, баланда в КП-222 была наимерзейшая. Это я понял еще в карантине. Есть ЭТО можно было только пару раз в неделю, когда давали картошку с тушенкой или перловку. Все остальные блюда выглядели так: Супы – это вода, в которой плавали либо несколько макаронин с горошком, либо несколько кусков картошки с консервированной рыбой. Причем, из расчета 2 банки рыбы на ведро воды. Все каши на воде, гречневая сварена не из гречки, а из гречневой шелухи. Чай – ржавая вода. Рыба – разваренная путассу с костями и без соли. Мясо? Нет, не видел! Единственная ежедневно съедобная еда – это хлеб. С ним нам повезло. Свежайший мягкий белый хлеб в кирпичках. Это потому, что колония покупала хлеб прямо с Зеленоградского хлебозавода. А всю остальную баланду на телеге возили из СИЗО №122, которое находилось от нас за стеной. И готовили всю эту муть эки. В этом СИЗО, кстати, сидел одно время актер, сыгравший Петруху из Белого солнца пустыни. За наркотики сидел...

Доставкой еды из СИЗО в КП-222 и ее раздачей занимались специально обученные ЗЭКи – баландеры. А тачка, на которой они возили котлы, называлась соответственно «БАЛАНДРОВЕР». Должность эта, была не очень почетная. Она относилась к разряду хозобслуги или «хозбанды*». Зато всегда сытый, платят зарплату, и можно в меру шатать режим: спать днем, ночью перемещаться по лагерю, втихаря заряжать «тырки*» всему лагерю от розеток в столовой. Так что, для тех ЗЭКов, кто не стремится приобщаться к воровскому миру, и у кого не так много родственников и не много денег на воле – это вполне сносный способ пережить свой срок без особых сложностей, не голодая, и не замерзая.

Столовая. Это длинное одноэтажное здание того же желтого цвета, что и второй отряд (Рис. 1 или карта). Оно делилось на три помещения. Большой зал с кучей столов и табуреток, где, собственно, и происходила арестантская трапеза. Вдоль одной из стен в этом зале стояли многоярусные стеллажи до потолка с ящиками и номерами на них. Каждому ЗЭКу полагалось иметь по одному ящику для непортящихся продуктов питания и посуды. В противоположной стене было шесть окон. Один из углов в столовой был выделен. Один стол стоял поперек, не так как остальные. И табуретки вокруг него стояли самые грязные и старые. Это был угол обиженных. Им было запрещено прикасаться к вещам, которыми пользовались остальные сидельцы, так что у них на столе стоял отдельный чайник, посуда, плитка для готовки. Сидельцы обходили этот угол стороной. Следующее смежное помещение было кухней. В ней было 6 плит по 4 конфорки, 5 раковин для мытья посуды, 4 микроволновки, 4 электрочайника и здоровенная бочка для пищевого мусора. И самое маленькое помещение предназначалось для хранения продуктов. В нем стояли 2 огромных промышленных холодильника общего пользования и около десяти маленьких частных холодильничков, которые затащивали себе сами ЗЭКи.

Баландеров было трое. Периодически кого-то увольняли, кого-то нанимали, но в целом их число почти всегда оставалось неизменным. Они дежурили по очереди, посменно. Три раза в день смена на Баландровере ехала в СИЗО, брала здоровенные котлы с едой и возвращалась в лагерь. Сначала они снабжали баландой карантин и только потом везли ее в столовую, где их поджидала толпа голодных сидельцев. После раздачи они мыли котлы и до следующей трапезы или отдыхали или наводили порядок в столовке и на кухне: расставляли столы, стулья, убирались, чистили плиты, холодильники, раковины. Иногда им давали спецзадания. Например на 9-е мая они по поручению начальника колонии варили всю ночь 2 ведра гречки с тушенкой.

На утро они загрузили ее в походно-полевую кухню времен войны и возили на центральную площадь Зеленограда кормить ветеранов. Но такие задания бывали редко. Главным из баландеров был Док, которого я уже упоминал. Он командовал сменами, распределял ящики и места в холодильниках. А для тех, кто с ним дружил, например нам с Саней, делал некоторые маленькие дополнительные услуги. Например, выдавал дополнительные ящики, заряжал телефоны в столовой (ведь с зарядками на зоне тяжело, мусора внимательно следят за всеми розетками), варил нам супы, пока мы были на работе (просто потому, что ему иногда было нечем заняться).

Баланду употребляли в основном те сидельцы, к которым редко приезжали родственники, и у которых не было доходов. Остальные же готовили себе сами. Мы с Саней не исключение.

Во-первых, к нам обоим регулярно приезжали друзья и близкие с огромными сумками круп, консервов, макарон, овощей, фруктов, вкусняшек и другой насущной еды.

БОЛЬШОЕ ВАМ СПАСИБО ЕЩЕ РАЗ.

Мои кофейные банки даже стали в некотором роде легендой. Тесть присылал мне эксклюзивный Израильский кофе в красных жестяных пол-литровых банках с завинчивающейся крышкой, на которых не было ни слова по-русски. Только иврит и английский язык. И помимо того, что сам по себе кофе был очень вкусный, с привкусом ванили, и многие ЗЭЖи периодически его клячили, так еще и пустые банки из-под него были очень удобные в хозяйстве. И я их всем раздавал. За мой срок в колонии накопилось столько этих банок, что их можно было встретить практически в любом помещении: в ПВР в качестве подставки для ручек и карандашей, в отрядах в качестве подставки для зубных щеток и расчесок, в курилках в качестве пепельниц, на стройке в качестве подставки под столовые приборы, ну и конечно в нашей столовке, где в них хранили приборы, крупы, сахар, печенье, муку и другие сыпучие продукты. Иногда даже в эти банки с крупой закапывали телефоны на время обысков.

Во-вторых, мы оба довольно быстро устроились на работу, что приносило нам несколько тысяч рублей в месяц, которые некуда было тратить, кроме как на еду. Сразу после трудоустройства мы написали заявления о снятии с пищевого довольствия и питались едой собственного приготовления (тем более что Саня был по первому образованию повар). А с появлением личного холодильника (спасибо моим коллегам с вольной работы) мы вообще зажили почти припеваючи. Мы могли покупать сосиски, пельмени, яйца, масло и другие скоропортящиеся продукты, и наша тюремная диета стала более менее полноценным рационом. За исключением алкоголя, конечно!

Док помогла нашему здоровому питанию, как мог. Как я уже говорил, ему было скучно торчать целый день на работе в столовой. И пока мы трудились на стройке, он готовил нам изысканные супы. Ведь он мог находиться в столовой, даже когда она была закрыта для остальных сидельцев, и не ограничивался полутора часами для приготовления пищи.

Док. Как не трудно догадаться, на воле он был врачом. Высокий, лысый, худощавый человек, довольно умный и хорошо образованный. С ним приятно было побеседовать в те моменты, когда от арестантского «базара» уже сворачивались уши. Он старался избегать всего этого жаргона в речи. А сел он по статье... тадааам... поджог. И как водится, он был не виноват. Его подставил сосед, который хотел «отжечь» его квартиру. Он то и поджег, со слов Дока, ларек рядом с их домом и свалил все на него. А Док перед тем, как сесть, успел сделать генеральную доверенность на жену. Так что сосед не смог повернуть свои темные делишки с его квартирой. А еще в нашем лагере в нарушение всех правил и законов не было медсанчасти. И Док был здесь единственным человеком с медицинским образованием. (Заезжал правда еще один доктор, врач скорой помощи, внешне напоминал Ленина, но он заезжал по алиментам на 3 недели, так что это не в счет). Естественно, ему приходилось периодически лечить ЗЭЖов от простуд, ссадин, недомоганий, ну и откачивать нарикы после передоза, чтобы они не сдохли до приезда скорой. Эту часть своего призвания он очень не любил. Кому

охота делать искусственное дыхание наркоману, захлебывающемуся в собственной крови и блевотине, да еще учитывая тот немаловажный факт, что, как минимум, треть эков в зоне была ВИЧ-инфицирована. Я уже молчу о других менее страшных болячках. Но клятву Гиппократу никто не отменял. И Док несмотря на смертельную опасность, скрипя зубами и скрепя сердце выполнял свой долг врача. Кстати, для тех кто не знаком с этой клятвой, рекомендую:

«Клянусь Аполлоном, врачом Асклепием, Гигиеей и Панакеей, всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и всё остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому. Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далёк от всякого намеренного, несправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами. Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и славе у всех людей на вечные времена, преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.